

Е. П. Березная

ОНЕГИНСКИЙ СЛОЙ В КНИГЕ Ю. Н. ТЫНЯНОВА «ПРОБЛЕМА СТИХОТВОРНОГО ЯЗЫКА»

Тыняновская концепция «Евгения Онегина» (не движение событий, но движение словесных масс) послужила опорой для формирования общетеоретических положений о смыслообразующих компонентах литературного текста, в наиболее полном виде развернутых в книге «Проблема стихотворного языка». Такие смысловозначительные структуры языка поэзии, как *единство и теснота стихового ряда*, *динамизация речевого материала*, *сукцессивный процесс речи в стихе*, – установленные Тыняновым в «Проблеме...», репрезентируют онегинский текст как новую форму *стихового* романа, а в нем – смысловый статус *слова*, деформированного стихом. В статье рассматриваются случаи соприкосновения «Проблемы стихотворного языка» с пушкинским романом, имплицитно формирующим перспективы исследования поэтической семантики.

Ключевые слова: *стиховой роман, эквиваленты текста, ритм, смысловый статус слова, структуры языка поэзии.*

Главная книга Ю. Н. Тынянова «Проблема стихотворного языка» (1924) все еще остается недооцененной в науке о литературе. Наиболее полную картину исследовательского интереса к этой работе репрезентируют седьмые Тыняновские чтения. В ответах на анкету, посвященную столетию Ю. Н. Тынянова, отражены некоторые основные критерии восприятия «Проблемы...», согласно которым апологетизируется «общая стимулирующая роль» книги Ю. Н. Тынянова при затрудненности экспликации ее принципов и терминологии. Что касается тыняновских концептов «тесноты стихового ряда» и «динамизма формы», то они не столько осмысливаются, сколько принимаются в общем виде. В целом «Проблема стихотворного языка» Ю. Н. Тынянова, наметившая теоретические перспективы в исследовании семантики стиха, ждет своего изучения и переистолкования.

Настоящая статья посвящена выявлению смыслообразующих компонентов онегинского текста книги. Предварительно – несколько слов о том, от какого материала отслаивался окончательный текстовый код теоретико-литературного сочинения Ю. Н. Тынянова.

Важнейшей чертой тыняновской научной манеры являлось одновременно-параллельное рассредоточение его мысли в несоединимых друг с другом исследовательских эпизодах. Так, в круг научных интересов Ю. Н. Тынянова во время работы его над книгой входило составление концепции эволюционного пути пушкинского стихового эпоса, которая вскоре была изложена в монографии «Архаисты и Пушкин». Кроме того, изданию книги «Проблема стихотворного языка» предшествовала незаконченная статья Ю. Н. Тынянова о композиционных формах «Евгения Онегина», имеющая общий план проблематики с книгой о стихе. В плане статьи о «Евгении Онегине» выявлялись основные различительные концепты тыняновской книги: симультанность практической речи и сукцессивность поэтической, семантические ряды и стиховой ряд, отличие поэтического языка от практического и отличие поэзии от прозы. Неоконченная статья «О композиции “Евгения Онегина”» явилась подго-

товительным текстом к книге «Проблема стихотворного языка». Намеченное в работе об «Онегине» различение поэзии и прозы посредством их взаимоисключающего отношения к семантическому фактору, в «Проблеме...» осложнилось интерпретацией различного рода нарушений границы между ними, что подчеркивало доминирующую роль внутреннего противоречия в определении словесного искусства.

В отправном тезисе онегинской статьи о невозможности разграничить поэзию и прозу по признаку звучания Ю. Н. Тынянов подчеркнул неизменность семантического фактора, оставшегося актуальным и для «Проблемы стихотворного языка»: «Проза и поэзия, по-видимому, отличаются не имманентным звучанием, не последовательно проведенным в поэзии принципом установки на звучание, а в прозе – принципом установки на семантику, – а, в существенном, тем, как влияют эти элементы относительно друг друга, как деформирована звуковая сторона прозы ее смысловой стороной (установкой внимания на семантику), как деформировано значение слова стихом» [1, с. 54]. Рассматривая пушкинский роман с точки зрения двух способов организации литературного текста – стихового и прозаического, – Ю. Н. Тынянов показывает как устойчивость и независимость различительных концептов, так и их подвижность по отношению друг к другу. Все дело – в *подчинении* одного момента другому, в том *деформирующем влиянии*, в которое вступает подчиняющий фактор с факторами подчиненными. Таким деформирующим элементом в «Евгении Онегине» был *стих*, таким стержневым, конструктивным фактором в стихе является *ритм*. Пушкинский стихотворный текст предопределил обращение Ю. Н. Тынянова к проблемам стиховой семантики. Кроме того, в теоретической книге о стихе были заявлены те смыслообразующие концепты, которые актуализировали стиховую форму пушкинского романа.

В первой главе книги («Ритм как конструктивный фактор стиха») Ю. Н. Тынянов говорит об отличительном статусе ритма в стихотворном тексте, кото-

рый, «подчиняя», изменяет все прочие компоненты стиха и по-иному освещает богатейшее поле деформированной семантики. «Элиминирование ритма как главного, подчиняющего фактора приводит к уничтожению специфичности стиха и этим лишней раз подчеркивает его конструктивную роль в стихе» [2, с. 42]. При этом важнейшим моментом возникновения ритма будет не упорядоченная повторяемость звуковых или речевых связей в тексте, а потенциальная напряженность между всеми его уровнями – динамическая организация стихотворения. Эти условия существования ритма характеризуют его как сферу регулирования семантических трансформаций стихового языка, все уровни которого подвержены ритмическому переделыванию. Поэтому каждый элемент поэтической структуры под воздействием ритма изменяет свой статус в направлении семантики стихотворного текста. Например, в слове, включенном в ритмический стиховой ряд, ощутимы становятся его второстепенные (или «колеблющиеся» – в терминах «Проблемы...») признаки значения, которые проявляются в результате «ориентации на соседнее слово»: «...Эти “колеблющиеся признаки” дают некоторый *слитный групповой “смысл”*, вне семантической связи членов предложения» [2, с. 128]. Или семантическая подчеркнутость второстепенных слов, определяемая значимостью ритма в стихе. «...То, что в речи разговорной и прозаической является только необходимым служебным реквизитом, здесь, выдвигаясь на разделах, возвышается *до степени равноправных слов*» [2, с. 105]. Это выдвигание разделом служебных слов является, с точки зрения Ю. Н. Тынянова, одним из приемов Пушкина в «Евгении Онегине». Слова второстепенного значения, стоящие в конце стиха, ритмически выделяются до степени полноправных слов, что, в свою очередь, влечет за собой повышение в них семантического момента.

Обратим внимание на изменение значения имен собственных в пушкинском романе, которое Ю. Н. Тынянов рассматривает в соотносительной связи с ритмической организацией текста. Исключительно показательной в этом отношении представляется XXXV строфа восьмой главы «Евгения Онегина»:

Прочел он Гиббона, Руссо
Манзони, Гердера, Шамфора,
Madame de Staël, Биша, Тиссо.

Здесь в рамках обычного ритмо-синтаксического строения строфы вставлены слова, как бы не связанные между собою по основным признакам значения. «Вся сила здесь в устойчивости ритмо-синтаксической схемы и семантической неустойчивости ее восполнения. При этой неустойчивости большую важность получает *теснота* сначала ряда, а затем периода и строфы. При этом сила этой связи больше в стихе, чем в строфе, а в строфе, чем в группе строф; это дает возможность на протяжении стихотворения давать *строфы*, мало между собою связанные, – шире

и точнее: большие словесные массы, не связанные между собою по основным признакам значений» [2, с. 124]. В этом случае употребление слов со стертым основным признаком необычайно интенсивирует *колеблющиеся признаки* значения в стихе, которые в разных случаях своего использования могут стать принципом словоупотребления, а также усиливать стиховую абстрактность слова. Так или иначе, асемантичность имен собственных, организованная ритмическим действием, может приводить к явлению, переходящему в «заумь», с активацией смысловых сторон поэтической речи.

В выдвигании на первый план организующей роли ритма особую важность приобретают крайние, существующие на границе ряда, явления. Значимость минимальных явлений в реализации конструктивного принципа наиболее ощутима в области *эквивалентности текста*, которую Ю. Н. Тынянов противопоставляет акустическому подходу к стиху. Несовпадение явлений эквивалента с акустическим подходом к стиху связано с тем, что ритм ставит в отношения равенства разнородные по составу элементы: «...В эквиваленте мы имеем дело с элементом гетерогенным, отличающимся по самым своим функциям от элементов, в которые он внедрен» [2, с. 47]. Например, часто используемый Пушкиным в «Евгении Онегине» прием пересчета – в зависимости от стиховой природы романа приобретает совершенно иной смысл.

.....
Мелькают мимо будки, бабы,
Мальчишки, лавки, фонари,
Дворцы, сады, монастыри,
Бухарцы, сани, огороды,
Купцы, лачужки, мужики,
Бульвары, башни, казаки,
Аптеки, магазины моды,
Балконы, львы на воротах
И стаи галок на крестах (VII, 38).

Здесь особенно ярко сказывается роль стиха с его фоническим деформированием. Эквивалентность перечисляемых *разных* предметов обуславливается их равной интонационной и метрической позицией в стихе.

Эквивалентность текста могла осуществляться на уровне читателей-персонажей пушкинского романа, которые стремились стать условно равными своему «литературному» герою: «Онегин» как бы воображаемый роман: Онегин вообразил себя Гарольдом, Татьяна – целой галереей героинь, мать – также. Вне их – штампы (Ольга), тоже с подчеркнутой литературностью» [1, с. 66]. В данном случае эквивалентность «литературных» героев реализуется в апперцептивном поле читателей-персонажей пушкинского романа, обнаруживая нетождественное сходство их смысловых позиций. Пушкинский стихотворный роман включает в себя значительную область распространения эквивалента, который может фиксироваться как на

уровне текста, так и в сознании воспринимающего «субъекта».

Доказательством главенствующей роли ритма в эквивалентовке текста являются так называемые пропущенные строфы в «Евгении Онегине», обозначенные в романе нумерацией и отточием. Существование пустых цифр и *ненаписанных* строф («значки не суть знаки определенных пропусков, а часто не означают никакого определенного текста») [2, с. 49] свидетельствует о том, что частичные пропуски текста вызваны не цензурными причинами, но обусловлены внутренней динамикой произведения, действием его ритмического ряда. Кроме того, в использовании цифр вместо *целых* строф-главок активизировалось динамическое значение эквивалентов текста и их смыслообразующая функция в структуре произведения: «Какого бы художественного достоинства ни была выпущенная строфа, с точки зрения семантического осложнения и усиления словесной динамики – она слабее значка и точек; это относится в равной или еще большей мере к пропуску отдельных строк, так как он подчеркивается явлениями метра» [1, с. 60].

Говоря о факторах, составляющих *минимальные* условия ритма, Ю. Н. Тынянов особо подчеркивает значимость того («крайнего») момента, при котором они могут быть даны не в виде системы, а в виде *знаков* системы. В пушкинском романе мы встречаем частичное отсутствие текста внутри строф-главок, в которых шесть строк точек все же достаточны для того, чтобы стать эквивалентом текста. Метр сохраняется в виде *знака* или метрического импульса, что необычайно повышает уровень динамической группировки материала. На примере с «точками» выявляется не только внеакустическая природа ритма. Такое «расширение» ритмического объема приводит Ю. Н. Тынянова в итоге к совершенно новому пониманию *стиха*. Последовательным проведением динамизирующего принципа является не метрический стих, а стих свободный, верлибр, который может служить моделью для различения границ между прозаическим и стиховым рядами. Ритм не является исключительной характеристикой стихотворной речи – всякий тип текста, контрастирующий с поэтическим, будет иметь свою собственную ритмическую структуру. Все дело в том *деформирующем влиянии*, в которое вступает ритм с семантическими группами в стихе и, наоборот, в прозе, т. е. мы имеем дело с активацией принципа «соотносительности и интеграции», определяющего «динамическую целостность» литературного произведения.

Подводя некоторый итог рассуждениям о деформированных ритмом семантических структурах, выделим также «динамический» подход Ю. Н. Тынянова к литературному герою, обусловленный отрицанием статического единства героя как прямого аналога «психологической личности». Литература, по определению Ю. Н. Тынянова, – «динамическая речевая

конструкция», и все элементы этой конструкции должны рассматриваться как динамические модели, изменяющиеся сущности.

Тыняновский взгляд на героя, как на «эквивалент единства», основан на анализе пушкинского романа с учетом специфики его стиховой конструкции (ср., например, следующее: «...Мы не вправе относиться к семантическим элементам стихотворной речи так же, как к семантическим элементам речи прозаической... Крупнейшей семантической единицей прозаического романа является *герой* – объединение под одним внешним знаком разнородных динамических элементов. Но в ходе *стихового* романа эти элементы деформированы; сам внешний знак приобретает в стихе иной оттенок по сравнению с прозой... Характеризуя его как крупнейшую семантическую единицу, мы не будем забывать своеобразной деформации, которой подверглась она, внедрившись в стих. Таким стиховым романом был «Евгений Онегин»; и такой деформации подверглись все герои этого романа») [1, с. 56]. В статье «О композиции “Евгения Онегина”» Ю. Н. Тынянов представил ту смысловую структуру пушкинского романа, которая проявляется в результате деформации стихом семантических групп романа. С учетом доминирующей роли стиха имя героя становится только *знаком единства* для развертывания разнообразного материала от начала к концу произведения. Так, в «колеблющейся, эмоциональной линии» Ленского скомбинированы черты, дающие простор для литературных отступлений, которые могут рассматриваться как «эквиваленты единства» героя. Первенство материала над «героем» в пушкинском романе имеет самодовлеющую роль. По Ю. Н. Тынянову, основная функция Ленского состояла в том, чтобы внедрить в бессюжетный роман «злободневный материал об элегиях». В результате в рисовке Ленского – «комбинированного “поэта”» – осуществился смысловой *итог* определенного динамического процесса. Более того, в сравнении высокого и иронического плана смерти Ленского равновозможным становится двухплановый финал судьбы «поэта», что, с одной стороны, делает недопустимой предпосылку *статического героя*, с другой – активизирует смысловое построение стиха, которое заключает в себе «непременную внутреннюю противоположность». Как было замечено выше, цифры (или «динамические значки») в пушкинском романе являются строфическими и сюжетными эквивалентами, конструирующими смысловое пространство текста за пределами написанных строф. Использование сдвоенной строфы не столько представляет вариант судьбы Ленского, сколько репрезентирует эквивалентную перспективу *стихового* романа.

Тыняновская концепция «динамического героя», основанная на анализе пушкинского романа, не исчерпывается особенностями стиховой конструкции.

Важное значение приобретает «установка на *словесный план*» произведения, делающая динамизм слова необходимой составляющей структуры литературного персонажа (ср., например, замечание Ю. Н. Тынянова о художественной речи Лескова: «Он – один из самых живых русских писателей. Русская *речь*, с огромным разнообразием интонаций, с лукавой народной этимологией, доведена у него до иллюзии героя: за речью чувствуется жест, за жестами облик, почти осязаемый, но эта осязаемость неуловима, она сосредоточена в речевой артикуляции, как бы в концах губ – и при попытке уловить героя герой ускользает») [1, с. 313]. Конструктивная функция героя, с этой точки зрения, становится главным принципом фабульной перспективы. Персонифицируя литературные приемы, «динамический герой» все более стремится к максимальному растождествлению со «статическим единством» реального человека.

«Проблема стихотворного языка» Ю. Н. Тынянова представляется книгой в большей степени не столько теоретической, сколько *поэтической*, в силу воздействия той линии панлиризма, которая обуславливается стиховым фактом существования пушкинского романа. В этой ситуации совершенно особым образом преломляются попытки идентифицировать затрудненную тыняновскую терминологию, лежащую в основе теоретических положений книги. Дело в том, что термины Ю. Н. Тынянова, существующие в контексте его научных работ, аккумулируют в себе силу суггестивной энергии текста и в большей степени провоцируют не к логическому описанию, но к художественно-образной рефлексии. В научных сочинениях Ю. Н. Тынянова в непредъявленном виде присутствует суггестия *поэтического* текста, которая может считаться концептопорождающим механизмом его литературной теории.

Список литературы

1. Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977.
2. Тынянов Ю. Н. Проблема стихотворного языка. Статьи. М.: Сов. писатель, 1965.

Бережная Е. П., кандидат филологических наук, научный сотрудник.

Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН.

Ул. Восход, 15, г. Новосибирск, Россия, 630200.

E-mail: bereg.63@mail.ru

Материал поступил в редакцию 19.09.2008

Ye. P. Berezhnaya

ONEGIN'S LAYER IN YU.N. TYNYANOV'S «THE PROBLEM OF POETRY LANGUAGE»

Tynyanov's conception concerning «Yevgeniy Onegin» (not the motion of events but the motion of verbal masses) laid the foundation for making theoretical assumptions on message forming components of the text which are exhaustively presented in the book «The problem of Poetry Language». The concept differentiation structures of the poetic language such as unity and closeness of the verse series, dynamism of speech material, successive process of speech in verses suggested by Tynyanov in his «The problem...» represent Onegin's text as a new form of poetic novel and within it – the conceptual status of the word deformed by verse. The paper deals with the instances of contiguity of «The problem of Poetry Language» to Pushkin's novel implicitly forming the perspectives of investigating poetry semantics.

Key words: *poetic novel, text's equivalent, rhythm, conceptual status of the word, structures of the poetic language.*

Berezhnaya Ye. P.

The State Public Scientific Technological Library SB RAS.

Ul. Voskhod, 15, Novosibirsk, Russia, 630200.

E-mail: bereg.63@mail.ru